

Однако подобная оценка не исключает того, что «История» имеет большое значение для исследователей сочинений Крижанича. Ведь благодаря изучению «Истории», отражающей работу Крижанича над одним из важнейших источников его сочинений, можно найти корни эрудиции Крижанича в вопросах русской истории, определить степень самостоятельности его в оценке исторических событий и с позиций Крижанича взглянуть на те летописные известия, которые были подвергнуты Крижаничем резкой критике в «Политике» и в «Толковании исторических пророчеств».

3

В своих сочинениях Крижанич не только заострял и политически переосмысливал летописный материал (оценка деятельности Ивана IV, русской внешней политики и т. д.), но и прямо выступал против русской летописной традиции по ряду важных вопросов.

Во всех книгах Крижанича настойчиво проводится мысль о том, что Русское государство не следует считать преемником ранее существовавших держав (Рима и Византии), якобы передавших России частицу своего могущества, ибо слава и величие России возникли в ходе ее собственного развития, поскольку «всемогущий створитель Московско царство послидне на земли устроил и прославил; тако е хочет цело и непоколебно и до скончания века милостиво сохранить».¹²

Эта позиция Крижанича определялась его желанием обосновать историческую роль России как могучей державы, способной возглавить дело объединения славян, а также была вызвана церковно-религиозными планами католика Крижанича, стремившегося доказать отсутствие какой-либо преемственности между Византией и современной Русью и тем самым ослабить связи русской церкви с греческой церковью.

С этой позиции Крижанич выступает против распространенной в то время «теории четырех монархий» и ее русского варианта — теории «Москва—третий Рим»; с этой же позиции он подвергает критике ряд летописных известий.

Так, рассматривая историю о Гостомысле и о «призвании варягов», Крижанич упрекал русских летописцев в том, что они «сами об себе мало-похвальные басни пишут, будь беху негда были варягов упрашали на господство».¹³ Он раскрывает исторические и логические ошибки и неточности этого летописного известия: явная искусственность имени Гостомысла («Гостомысл наречен: будто умыслил гости привесть»), отсутствие сведений «об Рурику и об Варягах» в «немецких» источниках («нимцы се мучет гадаючь, а немогут се догадать, каковы то Нимцы бяху Варяги: и како бы их в Немецком языке звать»), антиисторичность летописного рассказа об отправке новгородских послов в «Варяжскую Прусскую землю» к «тамошним курфистрам» — ведь в то время не существовало еще курфюрстов, не говоря о том, что «немцы» не жили еще тогда в Прусской земле. Наконец, Крижанич справедливо отмечает отсутствие логики в том, что новгородцы «промышляючи, како беху могли учинитсе просты от межусобного незгодия... послали сут да упрашать не едного, но трех кнезов инородных».¹⁴

¹² Ю. Крижанич, Собр. соч., в. 2, М., 1892, стр. 11. Ср. рукопись «Политики» (ЦГАДА, ф. 381, № 1799, стр. 638): «Русское царство — наилучшее на земле и ему предназначена богом и наивысшая слава».

¹³ [Ю. Крижанич.] Русское государство в половине XVII века, т. 1, М., 1859, стр. 196.

¹⁴ Рукопись «Политики», стр. 679—680.